

ют исследования, лучше смогли сохранить себя династии, основанные академиками и членами-корреспондентами.

Анализ изменений в структуре профессиональной карьеры каждого очередного потомственного ученого свидетельствует о сокращении в каждом следующем по-

колении доли лиц, сохраняющих верность научному труду. Это приводит не только к ослаблению ретрансляции семейных ценностей, но и снижению уровня профессиональной преемственности в российском научном сообществе.

Литература

1. Голубовский М. Интеллектуальные династии: два века Ляпуновых // Нева. – 2012. – № 6.
2. Константин Скрябин – академик в третьем поколении // Известия. – 2009. 30 января. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/345007> (Дата обращения: 5.06.2014).
3. Ромах О.В., Левочкина А. Династия как фактор развития культуры // Аналитика культурологии. – 2012. – Выпуск 3 (24). [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dinastiya-kak-faktor-razvitiya-kultury> (Дата обращения: 5.06.2014).

УДК 94(47).084:316.6/.7

Т. А. Булыгина

ИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА. СТАТЬЯ 1. ДУХОВНАЯ АТМОСФЕРА В СССР ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Статья посвящена духовной атмосфере и факторам ее влияния, а также состоянию гуманитарных наук как элементам интеллектуального пространства Советского Союза после окончания Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: гуманитаристика, общественные науки, советская идеология, идеологический диктат, интеллектуальное пространство.

Т. А. Bulygina

THE INTELLECTUAL LIFE OF SOVIET SOCIETY. ARTICLE 1. THE SPIRITUAL ATMOSPHERE AND SOCIAL SCIENCE IN THE USSR AFTER WORLD WAR II

This paper is devoted to the spiritual atmosphere and factors of its influence, and also a condition of the humanities as to elements of intellectual space of the Soviet Union after the Great Patriotic War termination.

Key words: humanitaristics, social sciences, Soviet ideology, ideological dictatorship, intellectual space.

Первые послевоенные годы имели свои неповторимые особенности в духовной жизни советских людей. После Великой Отечественной войны, несмотря на неизбежность и даже ужесточение советского режима, зарождались те глубинные трещины в системе, которые проявились после смерти Сталина, а через 30 лет стали угрожаю-

ще большими, что, в конце концов, привело к разрушению всей советской системы.

В толще общественного сознания под воздействием Великой Отечественной войны формировались новые черты. Одновременно изменения духовной ситуации, так или иначе, отражались в государственной политике. Конец 1940-х годов в СССР – это

время, полное противоречий, чреватое альтернативными возможностями развития общества. Позже, когда победили одни тенденции, а другие были задушены или загнаны внутрь, возникла иллюзия монолитности и определенности и в действиях власти, и в поведении и настроениях общества.

Положение гуманитаристики в стране определялось социально-политическими условиями, сложившимися еще в середине 1930-х годов, однако Великая Отечественная война внесла свои коррективы в жизнь и сознание советского народа. В ответ сталинский режим стремился активнее задействовать общественные науки как орудие подавления опасных общественных настроений. К началу 1940-х годов сформировалась классическая система тотального государственного контроля во всех сферах общественной жизни и в значительной степени в личной жизни советского человека.

Однако в годы войны эффективность репрессивной политики государства, как ни парадоксально, была ослаблена. Власть вынуждена была признать, что для победы над таким страшным врагом, каким была гитлеровская Германия, принуждения было недостаточно, нужно было оживить свободную волю народа. Кроме того, экстремальные условия: военные действия, оккупация значительной части советской территории – мешали развернуть массовый террор. Людям в повседневной жизни приходилось принимать самостоятельные решения, не оглядываясь на решения партии и сталинский политический курс. Война и ее победоносное завершение повлияли на рост национального самосознания, который сопровождался активизацией независимой мысли. Сыграло свою роль и знакомство тысяч советских людей не через советскую пропаганду, а лично с жизнью Европы. Кроме того, в годы Великой Отечественной войны выросла молодежь, ещё не прошедшая школы подавления, и позволявшая себе размышлять. В то же время те, кто пережил смерть близких, тюрьмы, лагеря, начали сомневаться в правильности и справедливости сталинизма.

Не надо забывать, что Великая Победа 1945-го года вселила в людей надежду на лучшую свободную жизнь, и это отразилось на состоянии интеллектуальной общности общества, деятели культуры и науки, отражая настроения народа-победителя, трансформировали их в рациональные идеи, связанные с потребностями обновления страны. Эти идеи позже вновь возвращались в общество уже в позднесоветское время, несмотря на многократные усилия власти их задушить.

Сталинский режим чутко улавливал угрозу его благополучию, идущую от новых настроений и обстоятельств. Усиление партийно-государственного диктата в духовной сфере в последнее десятилетие жизни Сталина было не только прямым продолжением политического террора 1930-х годов, но и следствием появления новых черт советской жизни. Руководство страны в целях самосохранения вынуждено было использовать идеологическое противоядие от оживления национального самосознания, от «тлетворного» влияния буржуазного Запада, от настроений населения, вошедшего в состав СССР накануне войны, против «опасных» мыслей и творческих поисков интеллигенции.

Новый «старый» идеологический курс начал формироваться еще в годы войны. Только с января 1944 по август 1945 года вышло около 20 партийных постановлений по идеологическим вопросам [3]. За агрессивностью стиля, безапелляционностью партийных оценок в этих документах ощущается озабоченность руководства, т. к. оживление общественного сознания несло скрытую угрозу режиму. Спекулируя на великом подвиге русского народа, власть под лозунгом разоблачения национализма и местничества развернула борьбу против крепнувшего чувства национального достоинства жителей республик Советского Союза. Под ударом оказались партийные организации и вся интеллигенция как союзных, так и автономных республик. Серьезным преследованиям подверглись местные гуманитарии.

Примером может служить постановление об улучшении массово-политической и идеологической работы в Татарской парторганизации от 9 августа 1944 г., в котором говорилось о серьезных политических ошибках при освещении истории в произведениях местной художественной интеллигенции [4, с. 514–515]. Обращение к народному эпосу, к прошлому своего народа расценивалось политическим руководством как националистические происки и попытки противопоставить себя русскому народу. Авторы «Очерков по истории Башкирии» и других литературных произведений обвинялись в том, что возвеличивали патриархально-феодалное прошлое и героев национального эпоса, которых ЦК назвал «разбойниками-феодалами», и недооценивалась борьба башкирских трудящихся совместно с русским народом против угнетателей [4, с. 540].

Материал этих документов был зеркалом господствующих тенденций советского обществоведения, и партийные указания тут же реализовывались в научной продукции обществоведов. Именно обществоведение должно было взять на себя функции обвинителя и судьи в политических процессах над «вольнодумными» художниками и учеными. В известной мере, партийные постановления были социальным заказом для обществоведов, т.к. часть из них активно участвовала в разработке правительственных идеологических мероприятий. Например, известный официальный советский философ М.Т. Иовчук, бывший тогда заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), готовил разгромный материал для постановления по Татарии.

Кроме того, именно ученые-обществоведы должны были обеспечить практическую сторону воссоздания всеобщего марксистско-ленинского образования. Были сделаны значительные шаги по унификации и упорядочению системы партийного просвещения. Его сеть призвана была охватить поголовно всех советских граждан. Особое внимание уделялось беспартийным, ко-

торых было сложнее держать в идеологической узде. В 1947/1948 и 1948/1949 учебных годах были разработаны единые программы для политических школ низшего звена политпроса, а в 1950 г. подготовлены единые учебные планы и созданы новые учебные пособия [5, с. 283, 291].

Другой задачей, к которой были привлечены силы ученых гуманитариев, было укрепление диктата официальной советской идеологии на территориях, вошедших в СССР в начале второй мировой войны. Были приняты решения 14 июня 1944 г. об улучшении идейно-политической работы в Молдавии – [4, с. 501], 20 января 1945 г. – в Западных областях БССР [4, с. 537] и др. Их главным мотивом была борьба «с буржуазным национализмом и буржуазной идеологией», а главным средством – распространение влияния официального советского обществоведения. Несмотря на плачевное состояние с кадрами гуманитариев в РСФСР, руководство высшей школой обязано было изыскать возможности направления историков, экономистов, философов из центра в окраинные республики. Предлагалось командировать преподавателей марксизма-ленинизма Восточной Украины в учебные заведения западных областей, из РСФСР учителей – в западные районы Белоруссии [4, с. 530]. Из России в Молдавию выехали 6 гуманитариев – кандидатов наук, завершивших учебу в аспирантуре [4, с. 535].

Вместе с тем, идеологическое руководство изыскивало средства для подготовки грамотных кадров идеологов на местах. В 1947 г. при ЦК ВКП(б) была создана Академия общественных наук. Стала поощряться защита кандидатских диссертаций лекторами партийных комитетов, для чего при Высшей партийной школе (ВПС) ЦК ВКП(б) были созданы комиссии для приема кандидатского минимума и Совет для защиты кандидатских диссертаций [5, с. 283, 291].

Широко изученная историками кампания «проработки» деятелей литературы и искусства была звеном единой идеологической цепи, другим звеном которой была гуманитаристика. Литература рассматрива-

лась сталинским режимом как составная часть всемогущей советской идеологии, равно как и гуманитарная и общественная наука. Вопрос ставился в контексте воспитательного воздействия искусства и гуманитарной науки на массы в духе классовости и партийности. В своем пресловутом докладе секретарь ЦК ВКП (б) А. А. Жданов, используя грубые вульгаризмы, клеймит великих М. Зощенко и А. Ахматову не за бездарность и профессиональную халтуру: «Наша литература – не частное предприятие, рассчитанное на то, чтобы потрафлять различным вкусам литературного рынка». [1, с. 12]. Жданов требовал, чтобы творческая интеллигенция, руководствуясь политикой, воспитывала молодежь «в духе бодрости и революционности»: «ЦК имеет в виду подтянуть идеологический фронт по всем другим участкам нашей работы» [1, с. 21].

Взаимоотношения общественности и власти в этот период оказались сложнее некоторых современных представлений об истории советского обществоведения конца 1940-х – начала 1950-х гг. С одной стороны, власть пыталась свести общественные науки к инструментальным функциям идеологии, и поэтому последние несли полную ответственность за неполадки в идеологической сфере советской системы. С другой, в гуманитарных и социально-экономических науках, за исключением, пожалуй, истории ВКП (б), вопреки жесткому идеологическому диктату в силу самой природы научного знания, сохранялись зерна творческого и рационального мышления. Поэтому любое интеллектуальное усилие, даже погруженное в трясину пропагандистской риторики, становилось опасным для тоталитарного руководства и требовало официальной коррекции.

Надо отметить, что после войны особое место в официальной пропаганде стало обоснование национально-государственного престижа СССР. Коммунистическая риторика прикрывала возврат к российской державности. Традиционная уваровская формула государственной идеологии, в которой православие было подменено марксизмом-ленинизмом, а самодержавие –

социалистическим Отечеством, возрождалась как общенациональная идея. Этому должна была соответствовать достойная атрибутика: государственные символы, институты власти и т.п. К этому ряду относится государственное образование и наука. В связи с этим появилась необходимость поднять уровень образования и «оболочки» научности в общественно-гуманитарных отраслях. Отчасти этим можно объяснить повышенное внимание партийных вождей к состоянию обществоведения в вузах и научных учреждениях, к уровню образованности самих обществоведов, к соблюдению научно-образного антуража общественных наук.

К концу войны состояние вузовского обществоведения можно назвать критическим. На 1 января 1947 года в 114 вузах страны на 39 кафедрах общественных наук не было ни одного преподавателя с научной степенью, включая заведующих кафедрами. Если во всех отраслях науки доктора и профессора в тот период составляли 6 %, а кандидаты наук – 23,5 %, то в обществоведении соответственно – 1,2 % и 12,3 % [6, с. 8]. При этом этот удельный вес работников высшей квалификации достигался за счет специалистов по гражданской истории и политической экономии. Например, в конце 1948 г. кандидатов наук по истории СССР насчитывалось 27 %, а докторов наук 4,9 %. По политэкономии кандидаты наук составляли 25,1 % и 1,5 % – доктора наук. В то же время среди преподавателей марксизма-ленинизма доктора наук составляли всего 0,2 %, а более 91 % преподавателей вообще не имели научных степеней [6, с. 8]. Иногда студентов высших учебных заведений обучали люди без высшего образования. Среди обществоведов в 1947/1948 учебном году таких вузовских обществоведов насчитывалось 3,6%, т. е. 174 из 4847 преподавателей общественных наук [6, с. 10, 17]. Половина обществоведов не имела опыта работы в высшей школе, а более 70% из них составляли люди в возрасте после 40 лет [6, с. 23]. Кроме того, партийная и пропагандистская работа отодвигали на задний план учебную и научную деятельность обществоведов.

Условия военного времени также влияли на положение вузовского общественно-образования. Как отмечалось в одном из партийных постановлений, число преподавателей высшей школы уменьшилось в 1942/1943 учебном году в 2 раза. Не менее ощутимо сократился вузовский контингент профессорско-преподавательского состава и во время эвакуации в 1943/1944 году. Такое положение особенно болезненно отразилось на кафедрах общественных наук, чьи работники в громадном большинстве были мобилизованы в качестве политработников Красной Армии [6, с. 498].

Немаловажным фактором слабости развития общественных наук было их место в советской системе обучения и воспитания. Во-первых, из общественно-образования в огромной степени были выхолены основные признаки научного процесса, и его авторитет держался верой в коммунистические идеи и страхом перед репрессиями. В задачи кафедр общественных наук практически не входили передача определенных знаний, выработка навыков и умений. С помощью простого набора приемов преподаватели-обществоведы прививали молодым людям определенный тип социального поведения. Слабость содержания и форм преподавания обществоведения, помноженная на изменения в общественном сознании, порождали идеологическое равнодушие, неверие и даже критическое отношение к официальной политике и пропаганде среди некоторой части молодежи.

Подобная ситуация была нетерпимой с точки зрения государства, и обществоведы очень скоро почувствовали отеческую тяжесть партийной заботы. Высшее советское руководство одну из своих основных задач видело в том, чтобы «подтянуть» общественно-образование до новой идеологической ситуации, когда под прикрытием интернационалистской коммунистической фразеологии все глубже укоренялась русская национально-государственная идея. Корректировке, в первую очередь, подвергалась историческая наука. Историки еще в конце войны почувствовали отголоски грядущих битв

с космополитизмом. В записке Г.Ф. Александрова, начальника Управления пропаганды и агитации, тогда кандидата в члены ЦК ВКП (б) и ведущего советского философа, секретарю ЦК А. Р. Щербатову, датированной 1944 г. и в докладе секретаря ЦК, члена политбюро ЦК ВКП (б) А. А. Жданова 14 августа 1944 г. «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР», жестокой критике подверглись основные учебники по истории СССР, авторами которых были видные советские историки.

В частности Г. Ф. Александров заявлял, что в учебнике по истории СССР для студентов вузов принижается историческое прошлое России, а развитие русской культуры ставится в зависимость от западно-европейской мысли [7, с. 5, 99]. А. А. Жданов обвинял «Грекова и К^о», т. е. историков Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, М. В. Нечкину в научной некомпетентности. Причиной стал тот факт, что учёные добросовестно изложили суть дискуссии о норманнском происхождении Древнерусского государства и честно указали, «что длительный спор не дал окончательного решения вопроса» [7, с. 95].

Г. Ф. Александров, перечисляя недопустимые на его взгляд политические ошибки историков, среди «антипатриотических» грехов академика А. М. Панкратовой отмечает тот факт, что в учебнике по истории СССР для средних школ, вышедшем под ее редакцией, упоминаются «норманнские завоевания» и «призвание варягов» в связи с образованием Киевской Руси. Ей вменялось в вину принижение роли выдающихся деятелей русского народа. Например, не были упомянуты М. П. Лазарев и Ф.Ф. Ушаков, не было иллюстраций с изображениями Дмитрия Донского, Александра Невского, Минина и Пожарского, но в учебнике были портреты Чингисхана, Батыя, Лжедмитрия [7, с. 5–6]. А. А. Жданов пенял ученым на то, что они дали в этих учебниках отрицательную характеристику личности Ивана Грозного. Тезис о пренебрежительном отношении к прошлому России он иллюстрировал цитатой из учебника Б. Д. Грекова: «Радищев – типичный ученик французских рационали-

стов и враг мистицизма», которая якобы принижала роль русского просветителя-революционера [7, с. 102, 103].

Подвергнутая критике позиция историков вполне соответствовала прежним идейным установкам 1920-х – 1930-х гг. о царском деспотизме вообще, но шла вразрез с новой партийной доктриной о необходимости наличия в России сильного государственного правителя.

Особым нападкам уже в те времена подвергся советский историограф Н. А. Рубинштейн, который впоследствии станет одним из фигурантов гонений на «космополитов» [2]. Ученого еще в середине 1940 гг. власть упрекала в излишней благосклонности к немецким ученым XVIII в.: Байеру, Шлецеру, Миллеру. В докладе Жданова все замечания были обобщены в политическое обвинение: «По важным вопросам эти историки (имеются в виду, прежде всего, Панкратова, Рубинштейн, Яковлев – Т. Б.) находятся под влиянием реакционных антирусских установок немецких историков», «засоряют головы советских людей идеологией явно немецкого происхождения и тем самым затрудняют нашу борьбу по морально-политическому разгрому фашизма» [7, с. 30]. Заметим лишь, что это были благонадежные советские историки.

Лояльность обществоведов определялась способностью вовремя продемонстрировать верность марксизму-ленинизму и соблюсти необходимые ритуальные при-

личия. Так, партийная подозрительность к представителям российской дореволюционной исторической школы сохранялась и после войны. На основе доносов об устных выступлениях ряда ученых им приписывались «ошибки великодержавного шовинизма». Например, так были расценены положения Е. В. Тарле о прогрессивности внешней политики Александра I и Николая I, в лекции, прочитанной им в Саратове. Так же расценили заявление Б.Д. Грекова в издательстве Наркомата военно-морского флота о том, что историки образумились и поняли, что государство и народ разделить нельзя [7, с. 115, 116]. Главным показателем качества обществоведения, таким образом, являлась не научная объективность и творческий характер, а способность грамотно маскировать великодержавность под теорию ленинизма.

Обвинение историков в следовании идеям «антимарксистской школы Покровского», первого советского историка, также приравнивалось к тяжкому идеологическому проступку. Малейшие нарушения идеологического ритуала сопровождались грозным окриком власти. Так, А. М. Панкратова получила серьезное замечание за то, что в статье «Задачи историков в условиях Великой Отечественной войны» для сборника «25 лет исторической науки СССР» не сослалась на статью Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» [7, с. 105].

Литература

1. Жданов А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». – М., 1952.
2. Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. – 1999. – № 3-6.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 7–9. – М., 1985 – 1986.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 7. – М., 1985
5. Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1938-1961 г. – М., 1986.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 64.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222.